

УДК 93

DOI: 10.17223/19988613/51/22

Д.В. Свирина

ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕПОРТАЦИИ ПОВОЛЖСКИХ НЕМЦЕВ: ОСНОВНОЙ НАРРАТИВ И МОТИВЫ (НА МАТЕРИАЛАХ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края краевого государственного автономного учреждения «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности» в рамках реализации проекта «№ 17-11-24013 Этносы в Сибири: условия сохранения культурной памяти».

Настоящая статья посвящена памяти поволжских немцев о депортации 1941 г., их устным воспоминаниям о переселении и его последствиях. Главным источником стали интервью с депортированными и их потомками, проживающими на территории Красноярского края. Основное внимание сфокусировано на форме полученных рассказов. С одной стороны, рассматривается проблема конструирования общего нарратива. С другой – его варианты, раскрывающие особенности восприятия переселенцами жизни после депортации. В центре внимания также находится отношение рассказчиков к своему положению после депортации.

Ключевые слова: депортация поволжских немцев; нарратив; устная история; память.

Воспоминания о депортации представляют интересный кейс для изучения национальной идентичности поволжских немцев после распада СССР. В 1941 г. депортация немцев осуществлялась по национальному признаку, и, учитывая предыдущий опыт национально-строительства, депортированные немцы не могли не думать о себе в национальных категориях. Перспективу исследований относительно общей проблемы депортации и ее последствий могут расширить исследования опыта конкретных мест и сообществ. Одной из работ с таким фокусом является исследование К. Браун о трансформации Крес¹ из разнообразной по составу населения территории в украинизированное место за первые три десятилетия существования советской власти [1]. Автор обращает внимание не только на официальные источники, но и на людей, их мнения, которые скрываются за этими источниками. Тем самым ей удалось заглянуть за пределы 1930-х гг. и понять, как депортированные немцы или поляки говорят о своём положении уже в 1990-е гг. Она взяла интервью, на основе которых сделала выводы относительно того, как эти переселенные народы воспринимают свое место в советской истории.

Данная работа затрагивает аналогичный вопрос, но через обращение к другому опыту. Немцы Поволжья были депортированы не из «отсталых» Крес, а из передовой республики, что сложнее вписывается в нарратив прогресса. Поэтому важно понять, как вспоминающие пишут и говорят о семье, себе и своём опыте.

Устные истории², анализ которых занимает большую часть настоящей работы, подразумевают, что рассказчик стремится к нарративизации воспоминаний о депортации. Процесс конструирования рассказа о жизни как соотношение различных событий и их интерпретация есть результат и процесс понимания индивидом своей жизни и себя. Результатом этого процесса является нарратив. Индивидуальный нарратив выступает в качестве посредника между индивидуальной

жизнью и рассказом о социальном порядке. С одной стороны, он формируется под влиянием социально-значимых символов и значений. С другой стороны, индивидуальный нарратив связывает личный опыт как социальный аспект и идентичность, к которой обращается человек и которая конструируется им самим. Этот источник дает нам информацию не о фактах прошлого, а об их осмыслении людьми. Поэтому представляется важным проанализировать существующие у информантов нарративные конструкции и соотнести их с контекстом их воспроизведения.

Основная масса интервью собрана в рамках двух экспедиций (2016, 2017) в населённые пункты Красноярского края, где продолжают проживать депортированные и их потомки. В данной работе будут использованы шесть интервью, которыми, конечно, не исчерпывается предложенная тема, но в силу нарративности она ярче показывают типичный нарратив и мотивы рассказов депортированных поволжских немцев или их потомков (таблица).

Список информантов*

№	ФИО	Пол	Год рождения
Карпатузский р-н Красноярского края			
1	Б.А.К. ³	жен.	1938
2	О.А.Г.	жен.	1955
3	Р.Ф.Г.	жен.	1951
4	С.Е.А.	жен.	1929
5	Ч.Л.Ф.	жен.	1931
6	Ш.И.И.	жен.	1938

* Здесь и далее приведены инициалы (ФИО) информантов.

Информантов можно разделить на две группы. К первой группе можно отнести тех, кто в момент переселения был ребенком младшего школьного возраста (до 10 лет). Год рождения в данном случае – важный факт, говорящий о том, что они родились в Автономной ССР Немцев Поволжья (далее – РНП) в период с 1928 по 1938 г. Кто-то из них успел закончить несколь-

ко классов немецкоязычной школы. Также нужно обратить внимание на то, что к этой группе относятся в основном женщины (остается под вопросом, могут ли эти интервью демонстрировать своего рода «женский взгляд» на депортацию). Вторая группа объединяет тех, кто родился в семье ссыльных немцев уже после депортации.

Грань между двумя выделенными группами очень тонка. Можно утверждать, что обе группы представляют собой поколение постпамяти⁴. Те, кто родился незадолго до депортации, помнят малочисленные детали их жизни в РНП, они пережили саму депортацию. Но их память о депортации формировалась в условиях взаимодействия со старшими членами семей. Их непосредственные воспоминания ложатся на те нарративные структуры, которые появляются не под влиянием их поколения. Родившиеся в условиях спецпоселения знают о депортации их родителей и других по историям и поведению своих депортированных родственников. Это создало общую основу для рассказов.

Понять, как переосмысливается прошлое на постсоциалистическом пространстве, становится одной из задач многих исследователей. Так, К. Вердери в своей работе о политической жизни «мёртвых тел» (dead bodies) фокусируется на том, каким образом происходили деконструкция старого порядка и конструирование нового [2]. Самой большой проблемой для неё является борьба смыслов (миров), которая должна привести к какому-то соглашению. Эта борьба вытекает из глубинных изменений, которые она находит в событиях 1989 г. Она называет смену социалистического порядка движением тектонических плит, чем подчеркивает глубинность политических изменений, повлёкших за собой реальный конфликт смыслов. В стабильной ситуации у людей есть шаблон, к которому он обращается для высказывания, в то время как в период смены режима, соответственно, возникает критический момент для создания высказывания, так как такой шаблон разрушен и отсутствует.

Российские немцы, которые репатрировались в Германию начиная с 1980-х гг., преодолевают подобный нарратологический конфликт. Как показывает исследование О.И. Зевелевой, репатрианты сегодня воспроизводят схожие рассказы, которые сводятся к идеям о долгожданном возвращении на родину, обретению настоящей свободы в Германии. Главную роль в формировании такого представления сыграл дискурс, сформированный в рамках процесса репатриации: начиная от сбора документов до пребывания в лагерях для репатриантов [3]. Качественно другой процесс представляет опыт депортированных немцев, оставшихся жить в России, в местах депортации.

Результаты дальнейшего анализа рассказов нельзя представлять без понимания того, что приводимые выводы основываются на образе «коллективного» повествования. Каждый рассказ не похож на другой, и все они имеют существенные противоречия в трактовке от-

дельных событий. В то же время достаточно ярко проявляются повторяющиеся сюжеты и мотивы. Центральная проблема, на которую я обращаю внимание, связана с ролью и положением рассказчиков или членов их семьи в рассказах о депортации.

Для многих депортация стала событием, которое разделило жизнь информантов и их семей на «до» и «после». «До» связано с хорошей и стабильной жизнью в РНП. Рассказчики начинают с перечисления фактической информации, которая помогает охарактеризовать момент до начала переселения. Например, с того, что родители Р.Ф.А. проживали в деревне Кук Саратовской области [4] или что осенью 1941 г. Ч.Л.Ф. было 10 лет и её семья проживала в деревне Екатерининтаь Краснокутского района Саратовской области [5]. Такая информация с определенными временными и пространственными характеристиками становится отправной точкой для последующего рассказа о депортации. Дальнейшее повествование связано с описанием того, как новость о депортации застала людей и что им пришлось делать. В этом сюжете возникает мотив «24 часов», который описывает ситуацию, когда депортируемому немецкому населению дали сжатые сроки на сборы:

Инф.: ...а когда война началась, у них [у родителей, бабушек и дедушек] все это забрали, скотину зарезали. Сказали: **«Вот вам сутки»** (здесь и далее выделено мной. — Д.С.), и чтобы вы собрались в дорогу и съехали». Ну что можно было за сутки сделать... [6].

Другой информант подчеркивает то же самое:

Инф.: Всё там оставили, в Саратовской области. С собой взяли чё, как говорится, что можно было унести. <...> Ну, вот, она [мать] все время говорила, что там жили хорошо. И корова была, и все было. И всё же оставили, всё побросали. Там **двадцать четыре часа** на сборы и всё [4].

В этих рассказах «24 часа» связаны с последующим бедственным положением депортированных. За такой короткий срок их семьи потеряли все, что имели. На этой основе у информантов возникает убежденность в том, что до депортации жили хорошо, хотя точными сведениями они могут не располагать. Но в представлениях рассказчиков было всё, что нужно для хорошей жизни: дома, скот, хозяйство и т.п.:

Инф.: Знаю, что оставили дом, оставили хозяйство там. В общем, что разрешили котомки эти взять с собой. Постель помню, подушки были, перины, вот это все постельное. А так в основном ничего не было [7].

Информантка перечислила вещи, которые, по её воспоминаниям, удалось взять («подушки были, перины, вот это все постельное»), но в итоге пришла к заключению, что «в основном ничего не было». Это противоречивое восприятие может быть связано с воспоминаниями о том, что было, какие вещи взяли с собой и общим представлением о депортации как об акте подневольного характера.

Однако в восприятии и объяснении сюжета о «24 часах» встречаются рассказы иного характера:

«Как раз это в сорок первом году. Пошли на линейку и там объявили, что началась война. [Поет песню «Двадцать второго июня, ровно в 4 часа...»]. Ну, и чё... Вышел приказ. Говорят [депортированные], что, дескать, мол, даже не дали собраться. Не правда это! Это вышел приказ 1 сентября у нас в деревне [с. Штрауб], а 17 сентября у мамы день рождения. Это незабываемое число. Нас выселили. Так что, 17 дней давали. Даже, вот я говорю, у нас вот, здесь, вот, есть [немцы] вафельницу привезли от тудова. А если в у мамы не было никого: брат и я. Ему 14 лет, а мне 12 лет. За подол взялись и пошли, собрали и пошли. Куда... Вот и все. Кто-то... кто-то вафельницу привезли. Уж об остальном говорить не надо. Ну, это же так? <...> Ну, почему-то, дескать, мол, в газете у нас тут эта, в «Знамя труда» писали, что, дескать, мол, не дали даже собраться и всё осталось. Я говорю – не правда!» [8].

С.Е.А. опровергает историю о том, что на сборы давали слишком мало времени. Её слова дают нам понять, что она слушала чужие истории, которые не совпадают с тем, как она помнит депортацию. Оставление дома в РНП связывается с материальным миром, является общим местом во многих рассказах, становится важными вещи, которые удалось или не удалось взять с собой. И именно по такому принципу оценивается правдивость или ложность историй, которые слышала или читала информантка. В её случае семья не могла взять с собой слишком много вещей, и она приводит причины этому: «А если в у мамы не было никого: брат и я. Ему 14 лет, а мне 12 лет. За подол взялись и пошли, собрали и пошли», а отец был ранее отправлен в трудовую армию во время раскулачивания.

Рассказы о времени после высылки связаны с дестабилизацией положения депортированных, которое поддерживает существование у рассказчика двух направлений рассуждения. С одной стороны, продолжается история о гонениях. С другой стороны, кто-то занимает активную позицию и начинает поиски другого основания для утерянной стабильности в жизни. Другими словами, возникают две призмы самопрезентации: пассивность и активность.

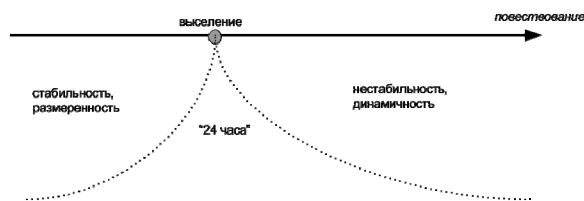

Рис. 1. Обобщённая схема нарративов о депортации

Особенно ярко выражена идея бесконечного переезда в рассказе Ш.И.И. До депортации в Сибирь ее семья проживала в г. Марксштатд. Мать была грамотной, владела и немецким, и русским языками. После учебы в Москве работала телеграфисткой. Отец работал столяр-краснодеревщиком высшего разряда. Есть стар-

шая сестра. Осенью 1941 г., как и других немцев Поволжья, их депортировали с прежнего места жительства. Уже с самого начала рассказ Ш.И.И. обозначает первый пункт движения: «Как сестра говорит, нас сразу повезли в село Моторско... ой...». Моторское на самом деле оказалось Еловкой, что информантка уточнит позже. Но прежде она даже попросила выключить диктофон, что может показывать о значимости верных названий, особенно если речь идет о тех местах, где пришлось жить какое-то время.

Еловка стала первым пунктом, в который «сгрузили» несколько немецких семей. После того как отцу пришла повестка в трудовую армию, он потребовал, чтобы их переселили в Каратуз. Каратуз был более пригоден к жизни бывшей горожанки-жены. Мать Ш.И.И. с двумя маленькими дочками часто переезжала: «Ну, и потом [ст. сестра], когда приехала [в гости к Ш.И.И.], я говорю... Она говорит: “Пойдем по селу” – “Пойдем” – “Вот тут мы жили, тут”. Я говорю с чего. Я как думала, наверное, квартир 10 знала. А она, мы потом посчитали, а там 20 с лишним квартир. Ну, а что, там месяц, там. Как эти матались».

После возвращения отца в 1945 г. семье выделили в Каратузе квартиру. В тот период времени в Алма-Ате жили братья бабушки (матери отца), и постепенно семья Ш.И.И. переехала туда. Неопределенным остается то, уехала ли сама информантка в Алма-Ату: «Там жили бабушкины и дедушкины братья и сестры. Ну, вот, они переманили бабушку – бабушка уехала, потом уже папу. Он ее сын был. Папу позвали, вот и мы все уехали в Алма-Ату. Ну, а потом сестра с Алма-Аты, у нее муж, этот... ой, в поезде он кто, кондуктор? Ну вот, он в поезде был. <...> Потом эти немцы уехали из Алма-Аты, потом стали из-за углов все эти казахи, уже стали заселяться в эти комнаты, и русским никак нигде работы не было».

Сначала Ш.И.И. указала, что переехали «мы все», т.е. вся семья, и она тоже. Но постепенно рассказчица из активной роли переключается в пассивную позицию наблюдателя со стороны. С этого момента в центре повествования находится сестра, которая уехала в Алма-Ату вместе с родителями. В ходе рассматривания фотографий попала фотокарточка с родителями рассказчицы: «Ну, вот в таком возрасте они уехали в Алма-Ату». Это вызывает предположение, что сама информантка осталась жить в Каратузе и больше не меняла место жительства, когда родители и старшая сестра с мужем уехали из Каратуза. А позже, в 1990-х, сестра уехала вместе с дочерьми в Германию, куда их пригласила родственница. Ш.И.И. не пыталась поступить так же.

В этой истории говорится о том, как много переезжала семья Ш.И.И.: Марксштатд – Еловка – Каратуз – Алма-Ата – Германия. Это основная линия повествования о депортации – многочисленные переезды, поиски жилья, работы. Каждое новое место проживания наполнено своими историями, которые связаны с тем,

как они – девочки – учились в школе, как приходилось зарабатывать родителям (работа) и др. Жизненный путь, история её семьи связаны с постоянными переездами. Это подтверждает предположение о том, что сама информантка не уезжала по этому маршруту дальше Каратуза, она по настоящее время живет в этом поселке. Но её рассказ повествует о том, что постоянно нужно было переезжать, двигаться, не стоять на месте. Цепочку переездов она продолжила через рассказ о старшей сестре, которая долгое время жила в Алма-Ате и, в конце концов, репатриировалась в Германию. Но и это не конец, потому что сама информантка продолжала «двигаться», только уже в другом формате – она ездила в гости к своей сестре.

Другим примером подобной модели рассказа о депортации служит интервью с Ч.Л.Ф.⁵, рассказ которой также демонстрирует передвижение с места на место:

Инф.: Ну, и привезли нас в город **Красноярск**, из **Красноярска** в город **Канск** мы лежали. Месяц. Там... <...> И... попали мы в город **Канск**, **Дзержинский район**, село **Кондратьево**. <...> Ну, жили-жили, год прожили, нас осенью в **Красноярск** на вокзал и на паром, и по **Енисею** мы четверо суток плыли. <...> Вечером шёл уже снег – это осень была – снег шёл с дождем, мы выбросили трап там на голом месте, там 120 человек по списку – все на берег. <...> Там [пос. **Денежкино**] я так и выросла в этой... на Севере. Вышла замуж. Это мы... А, нам повезло, отца в [нрзб] на другой год на какой-то... <...> Ну, попали в **Палое** [Черемушки]. Моего отца туда... <...> Ну, вот мы и попали сюда. Нас направили. Подождите... Мы... Почему мы в **Черемушки** попали?... Нужен был бухгалтер. Отец по профессии, вот.

У Ч.Л.Ф. также наблюдается мотив передвижения, на основе которого строится нарратив о депортации ее семьи. Стоит обратить внимание на один момент. Когда информантке не исполнилось полных 18 лет, она вышла замуж, еще в Денежкино. Это демонстрирует заключение конкретного этапа жизни, связанного с детством, юностью и депортацией. Можно предположить, что замужество в случае с Ч.Л.Ф. работает как промежуточное звено между семейной историей о депортации и историей её самостоятельной семейной жизни. Отдельная часть рассказа посвящена мужу, который участвовал в войне. История о муже стала своего рода проводником к возможности рассказывать о войне с точки зрения победителя, а не побежденного, репрессированного. Важны его личные военные заслуги и заслуги его родственников, тоже участвовавших в войне: один брат погиб на войне, а второй вернулся инвалидом. В ходе беседы Ч.Л.Ф. обращается к наградам мужа:

«Тогда на вояк внимания еще не было. И им никакой почести не было [короткая пауза]. Я, это, сейчас, хочу показать [идет в соседнюю комнату]. Вот, что от него осталось [достает из шкафа пиджак мужа с военными наградами]. Вот его костюм» [5].

Хранящийся в шкафу пиджак с наградами символизирует достижения мужа. Они стали уже семейной реликвией⁶. Пиджак и награды стали символом семейного вклада в дело войны, сопричастности к общей советской/русской истории. В то же самое время война уже не воспринимается как ужасная семейная история, повлекшая депортацию немцев, проживающих в РНП и других районах. Рассказчица даже ни разу не употребила самого слова «депортация». В ее истории была «эвакуация». История ее семьи начинается именно с этого: «*Это было в 1941 году, когда нас эвакуировали*». Продолжая историю, она еще раз повторяет: «*...в 1941 году началась война Великая Отечественная, она началась 22 июня, и в эту же осень всю нем Поволжья эвакуировали*». Развивая эту идею, информант упоминает про руководителя страны – Сталина – и высказывает предположение, что если бы Сталин не поступил таким образом (не переселил бы людей), то Советский Союз в войне бы не выиграл.

Мотив оправдания присутствует и в других воспоминаниях. Например, в коротких письменных воспоминаниях эвакуированной немки из Ленинградской области, которая осталась жить в д. Тагора (Кежемский район, Красноярский край), П.А.Я., в конце она еще раз вспоминает о том ужасе, который пришлось пережить ей во время бомбежек Ленинградской области: «*Потом стали помаленьку разрабатывать участки под огород и хоть очистки картофельные да садили. А ведь выросло что-то. Сибирская земля очень большая. И в лесу растет все необходимое для жизни человека, только не ленись – трудись. А меня еще и климат (сосновый бор) окончательно вылечил*» [9. Л. 5]. Эвакуация в данном повествовании оказывается не только спасением от тех военных действий, которые обрушились на жителей западной части СССР, но и мерой, приведшей к исцелению, ставшему возможным благодаря сибирской природе. Мотив возвеличивания природы Сибири отчетливо прослеживается и в интервью с Ч.Л.Ф.: «*Ну, а природа чудесная: рыба клевала там хоть на палочку, на веревочку лови. Рыба вся вкусная на Енисее – дорогая рыба. <...> ...брат все говорил: «Хорошо, что нас выгнали от туда [РНП], а-то и в калмыцких степях жили, мы хоть лес увидали*» [5].

Тем не менее в рассказах выделяются высказывания, связанные с трудностями обустройства жизни на новом месте. Этот повторяющийся сюжет можно обозначить как «голая кочка». Данное словосочетание часто употребляется самими информантами.

«*Вот, нас... вечером шел уже снег – это осень была, снег шел с дождем, мы выбросили трап там на голом месте, там 120 человек по списку – все на берег. И паром ушел, поднялись наверх, а там это, была избушка маленькая. Больше ничего не было*» [5].

«*И вообще не одеть, а есть вообще собирали что попало и шкурки ели-варили и... ну, что приехали на голую кочку, одеть у самих ничего нет, а у нас, у них хоть какая-то картошка была там что-то как-то,*

какой-то баранчик, какая-то курица, а у нас вообще ничего» [10].

«Мама с папой говорит, мы приехали, здесь зима, холодно, хотя, они уже осенью приехали. Война-то началась летом, а они приехали как раз на зиму, осенью. Ни жилья, ничего, и все что какие-то деньги у них были, кое-как что-то купили, чтобы зиму пережить» [6].

Таким образом люди осваивались на новом месте и осваивали это место. В отличие от информантов К. Браун, которые стали своего рода колонизаторами, депортированные немцы вспоминают о том, что по приезде в Сибирь им пришлось многому учиться у местных. Когда семья Ч.Л.Ф. оказалась на севере, на берегу Енисея, ей пришлось учиться строить дома, ловить рыбу и обрабатывать её, ловить зайцев, шить тёплую одежду. Ш.И.И. делала акцент на том, что мать была городской и деревенской жизни не знала: *«Ну вот, она [хозяйка квартиры] и послала ее за дровами. А мама откуда знает, взяла сачочки, взяла какую-то веревочку, а одежда легкая – че, снега-то были в те времена, да и вообще сейчас-то вон – ну и вот и пошла. Шла-шла, прутик сорвет. Че, она не знала какие уже дрова, че, ни топора – ничего. Она бы ей хоть рассказала, женищина та» [10].*

В работах историков, посвященных системе спецпоселений Красноярского края, достаточно подробно освещаются данные о численности депортированного населения разных категорий, в частности поволжских немцев. Как правило, подобные подсчеты сделаны на основе отчетов различных государственных структур, отвечающих за отправку, прием и размещение депортированных. По «переписи 1939 г. накануне депортации на территории края проживало 3 962 немца. Принудительное переселение поволжских немцев в начале Великой Отечественной войны привело к резкому увеличению их численности в Сибири, в том числе и в Красноярском крае. В сентябре – октябре 1941 г. из Поволжья в край прибыло свыше 75 тыс. чел.» [11]. «Фактически же прибыло на 1-е ноября 1941 года 17307 семей, в количестве 7 7359 человек, они были расселены в 42-х районах края» [12], которых на 1934 г. было около 57.

В тех же работах авторы стараются проследить закономерности использования труда депортированных в качестве «осваивателей» (колонизаторов) сибирских территорий. Например, рыбным промыслом на севере края, «осваивательский» характер которого связан с реализацией Постановления ЦК ВКП(б) «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и Дальнего Востока» от 06.01.1942 г. «Трудовая мобилизация спецконтингентов, отправляемых на север, была четко спланирована и проходила по строго уставленному графику. С мая по июль 1942 г. на новом месте жительства оказалось 6 312 чел. поволжских немцев. Среди вторично депортированных были также латыши, финны, греки. В итоге, по окончании навигации, на север переместили 23 тыс. чел. В результате осуществления

вторичной депортации немцы попали в труднодоступные и малозаселенные северные районы, расширив, таким образом, географию размещения этноса в крае» [11].

Стоит подчеркнуть, что, во-первых, депортация немцев из РНП была более массовая: бо́льшая численность населения подверглась депортации в очень сжатые сроки, нежели при депортациях в 1920–1930-е гг. Это усугубляло различные трудности по размещению и адаптации. Во-вторых, концепция «народ-враг», возымела свое влияние на местное население, именно в условиях начавшейся с Германией войны. *«Ну, вот, а тогда, вы помните плакат? <...> Тогда были плакаты вот эти... немцы такие в касках и рога вот такие в каске [показывает]. И, вот, все равно думали, что немцы рогатые, что у них рога. Ну, вот, когда в деревне нас свалили всех тут это... <...> И потом люди побежали смотреть, что говорилось рога или чё там» [10].* Население тех территорий, в которые были переселены немцы, было наполнено ожиданиями увидеть и начать бороться с реальным врагом.

В самом начале информантам было предложено ответить на вопрос «Как Вы оказались в Сибири?». И как было показано выше, они рассказывали о депортации, пользуясь общей схемой, в короткой депортации было отведено место центральной критической точки. Всё, что было до депортации, оценивалось информантами скорее как «хорошо» из-за определенной стабильности. Такая характеристика в целом и более детальные описания жизни дают представление о стабильном и независимом понимании жизни до депортации. Депортация заставляет людей по-другому рассматривать свою жизнь после переселения, которая связывается с освоением новых условий жизни, новых мест жизни.

История бывших мест депортации, в которых сегодня продолжают жить информанты, связана с активной переселенческой и репрессивной политикой, как советского правительства, так и царского. Такая особенность, как разнообразие населения по этническому признаку, подчеркивается не только в тех материалах, которые можно обозначить как официальные, так как они представлены на сайтах администраций рассматриваемых двух районов, но и в рассказах самих информантов, в различных воспоминаниях о друзьях, школе, работе и т.д.

То, что сегодня можно увидеть в селах Каратузского и Ирбейского районов, также может подсказать нам ответ на вопрос о том, почему информанты рассказывают о себе определенным образом. Это проявляется, например, в том, что их истории встраиваются в рассказы о Великой Отечественной войне. Это проявляется не с позиции пострадавших от репрессий, как народа-врага, а с той позиции, что они пережили это ужасное событие и внесли свой вклад в победу. Это можно увидеть в тех источниках, которые формируют такие рассказы о себе. Эти источники обнаружены в семейных и публичных (или официальных) нарративах и в индивидуальном опыте информантов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Польское название пограничных территорий современных Украины, Белоруссии и Литвы, входивших в состав Польши в межвоенный период.
- ² Устная история понимается мной в теоретической рамке, предложенной Алессандро Портелли. См.: Алессандро Портелли, Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории / пер., сост., введение, общ. ред. М.В. Лоскутовой. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2003. С. 32–51.
- ³ Здесь и далее указаны шифры аудиозаписей с информантами: инициалы информанта, организации, проводившие полевое исследование и хранящие его материалы, место проведение интервью, год и номер аудиозаписи в списке.
- ⁴ Категория «постпамять» формировалась в рамках изучения Холокоста, в особенности в работах Марьяны Хирш. Термин призван помочь преодолеть разрыв временной и качественной дистанции между пережившими Холокост и их детьми. Подробнее см.: Marianne Hirsch, The Generation of Postmemory // Poetics Today. 2008. 29:1. P. 103–128.
- ⁵ На момент депортации в семье было трое детей: старшая сестра, информант и двухмесячный младший брат. Семья жила в г. Екатерининталь (Краснокутский р-н, Саратовская обл.). Отец работал бухгалтером, заканчивал специальные курсы. Мать умела читать и писать. Родители хорошо говорили по-русски.
- ⁶ Под «семейной реликвией» можно понимать то, что способно «прояснить смысл их репрезентации хранителем как предъявление вещественных доказательств подлинности его происхождения, понимаемого как неотъемлемая часть личности». См.: Анна Соколова. Семейные реликвии и еврейская память // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 7. URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/019online/sokolova.pdf> (13.11.2017)

ЛИТЕРАТУРА

1. Brown Kate. A Biography of No Place: From Ethnic Borderland to Soviet Heartland. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2004.
2. Verdery Katherine. The Political Lives of Dead Bodies: Reburial and Postsocialist Change. N.Y.: Columbia University Press, 1999.
3. Зевелева О.И. Дискурсивно-биографический подход в исследованиях репатриации (на примере российских немцев в Германии): дис. ... канд. социол. наук. РГГУ, 2016. URL: https://www.hse.ru/data/xf/2015/12/03/1080876108/1%D0%94%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%97%D0%B5%D0%B2%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B0.pdf (дата обращения: 13.11.2017).
4. РФГ, Красноярский государственный педагогический университет (КГПУ) – Мемориал, Каратузское-2016, ПФ-19 (1951 г.р.).
5. ЧЛФ, КГПУ – Мемориал, Черемушка-2016, ПФ-20 (1929 г.р.).
6. ОАГ, КГПУ – Мемориал, Каратузское-2016, ПФ-35 (1951 г.р.).
7. БАК, КГПУ – Мемориал, Каратузское-2016, ПФ4 (1938 г.р.).
8. СЕА, КГПУ – Мемориал, Каратузское-2016, ПФ15 (1929 г.р.).
9. Архив НИЦ «Мемориал» (СПб). Из письменных воспоминаний Пиннер А.Я. (Красноярский край, Кежемский р-н, д. Тагора), 2009 г.
10. ШИИ, КГПУ – Мемориал, Каратузское-2016, ПФ-21 (1938 г.р.).
11. Зберовская Е.Л. Трудовые мобилизации немцев-спецпереселенцев в 1940-е гг. на территории Красноярского края // Немцы в Сибири: история, язык, культура: материалы междунар. науч. конф., г. Красноярск, 13–16 октября 2004 г. / отв. ред. В.А. Дятлова. Красноярск, 2005. С. 46–50.
12. Занданова Л.В., Метлин С.А. Спецпереселение немцев Поволжья и Ленинграда в Приангарье: депортационная политика, переселенческие и адаптационные процессы (1941–1945 гг.). URL: http://penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=1033 (дата обращения: 13.11.2017)

Svirina Daria V. European university at Saint-Petersburg (Saint-Petersburg, Russia). E-mail: dsvirina@eu.spb.ru

MEMORIES ABOUT THE DEPORTATION OF VOLGA GERMANS: MAIN NARRATIVE AND MOTIVES (BASED ON KRASNOYARSKY KRAY DATA)

Keywords: the deportation of Volga Germans, narrative, oral history, memory.

The policy of Soviet was linked with categories “nationality” or “nation”. This link became the base of future issues of transformations policy in perestroika. When the time of transformation had come population encountered the problem of creating new identity or remembering old one. Nationality was important notion during a Soviet development and still is for post-soviet countries. The case of Volga Germans allows to pay attention to transformation of their national identity after the deportation and what form it has today in people’s memories. This article is devoted to the memory about the deportation of Volga Germans in 1941, who have stayed to live in the former forced settlements (specposelenie), their oral histories about the deportation and its consequences. Major sources are interviews with people who were deported from the Volga German Autonomous Soviet Socialist Republic (VGASSR) to Krasnoyarsk region and who stayed to live there. All informants can be attributed to the generation of postmemory. It means that their memories about the deportation were formed by parents’ and grandparents’ stories. Interviews were collected during expedition in Karatuzsky district and Irbeisky district of Krasnoyarsk region in 2016. In this research six interviews with woman who were born before the deportation in VGASSR and after in Siberia are analyzed. These stories show main narrative and repeating motives bright. Main attention is paid to the form of the stories. On the one hand, the paper is concerned with the problem of narrativization. The narrative about deportation may be considered and contradict to the narrative about great victory in the war. On the other hand, some informants have the narrative about the deportation. They began their stories from the fact that their family had period of 24 hours for travel arrangements. It can be called as the marker of relocation in general. But at that time there is contesting this sustainable motive story. This short time period separates previous stability and good life in VGASSR and following unstableness and severities after the deportation in Siberia. The unstableness appears through there is the constant movement from one place to other place. In other words, the dynamics in informants’ life after the deportation begins to be determining characteristic of stories of deported people or their descendants. Unstable on new place in oral histories continues by the motive of “naked bump” (“golaya kochka”). Informants underlined the predicament in forced settlement.

REFERENCES

1. Brown, K. (2004) *A Biography of No Place: From Ethnic Borderland to Soviet Heartland*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
2. Verdery, K. (1999) *The Political Lives of Dead Bodies: Reburial and Postsocialist Change*. New York: Columbia University Press.
3. Zeveleva, O.I. (2016) *Diskursivno-biograficheskiy podkhod v issledovaniyakh repatriatsii (na primere rossiyskikh nemtsev v Germanii)* [Discourse biographical approach in the studies of repatriation (a case study of Russian Germans in Germany)]. Sociology Cand. Diss. [Online] Available from: https://www.hse.ru/data/xf/2015/12/03/1080876108/1%D0%94%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%97%D0%B5%D0%B2%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B0.pdf. (Accessed: 13th November 2017).

4. RFG, KGPU-Memorial, Karatuzskoe-2016, PF-19 (1951 g.r.)
5. ChLF, KGPU-Memorial, Cheremushka-2016, PF-20 (1929)
6. OAG, KGPU-Memorial, Karatuzskoe-2016, PF-35 (1951)
7. BAK, KGPU-Memorial, Karatuzskoe-2016, PF4 (1938)
8. SEA, KGPU-Memorial, Karatuzskoe-2016, PF15 (1929)
9. Pinner, A.Ya. (2009) *Iz pis'mennykh vospominaniy Pinner A.Ya. (Krasnoyarskiy kray, Kezhemskiy r-on, d. Tagora)* [From written memoirs by A.Ya. Pinner (Krasnoyarsk Territory, Kezhemsky District, Tagore Village)]. Archive of the Memorial Research Centre, St. Petersburg.
10. ShII, KGPU-Memorial, Karatuzskoe-2016, PF-21 (1938)
11. Zberovskaya, E.L. (2005) [Labour mobilisation of Germans – special settlers in the 1940s in the Krasnoyarsk Territory]. *Nemtsy v Sibiri: istoriya, yazyk, kul'tura* [Germans in Siberia: History, Language, Culture]. Proc. of the Conference. Krasnoyarsk. October 13–16, 2004. Krasnoyarsk. pp. 46–50. (In Russian).
12. Zandanova, L.V. & Metlin, S.A. (2010) *Spetspereselenie nemtsev Povolzh'ya i Leningrada v Priangar'e: deportatsionnaya politika, pereselencheskie i adaptatsionnye protsessy (1941–1945 gg.)* [Special resettling of the Volga and Leningrad Germans to the Angara region: Deportation policy, resettlement and adaptation (1941–1945)]. [Online] Available from: http://penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=1033. (13th November 2017)